

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-116-125>

УДК 13:821.161(571.6)

ББК 63.52

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Г.С. Поповкина
г. Владивосток, Россия

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И.У. БАСАРГИНА)**

Аннотация: В статье анализируется взаимодействие местных и пришлых народов в Приморье на этапе его освоения славянскими переселенцами с точки зрения духовно-нравственных основ и ценностей. Ввиду большой временной оторванности исследуемого периода от настоящего и связанной с этим невозможностью поиска информантов, в качестве исследуемого материала выбраны романы И.У. Басаргина, отличающиеся документальной точностью описания, историчностью и охватывающие большой временной отрезок — от первых поселенцев до конца Гражданской войны. В литературных произведениях выявлялись сведения о межэтнических отношениях и духовно-нравственных ценностях и сопоставлялись с уже имеющимися научными материалами. Динамика духовно-нравственных ценностей проанализирована на основе концепции М. Шелера об *Ordo Amoris* — некоей нравственной формулы человека, в согласии с которой выстраиваются отношения между ценностями во внутреннем мире конкретного морального субъекта. Выяснено, что контакты пришлых славянских народов, а именно русских старообрядцев, с аборигенами и китайцами, проходили, в целом, мирно, благодаря твердой ориентации переселенцев на общечеловеческие ценности. Общность *Ordo Amoris* стала залогом добрососедства и взаимопомощи, ее нарушение — выдвижение на первое место личного обогащения и власти — привела к преступлениям, поправую моральных принципов, слову мирного сосуществования.

Ключевые слова: межэтнические отношения, нравственные ценности, Приморье, Дальний Восток, И.У. Басаргин.

Информация об авторе: Галина Сергеевна Поповкина — кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, ул. Пушкинская, д. 89, 689001 г. Владивосток, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6521-8658>

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.06.2023

Дата одобрения рецензентами: 25.03.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Поповкина Г.С. Духовно-нравственные ценности населения Дальнего Востока России в начале XX в. в контексте межэтнических отношений (по произведениям И.У. Басаргина) // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 116–125. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-116-125>

Российский Дальний Восток — сложный полиэтничный регион. На новые дальневосточные территории приходили русские поселенцы, первые из которых — старообрядцы. Неизбежно возникали контакты между местными, аборигенными и пришлыми народами. История освоения славянами, в том числе старообрядцами, дальневосточных земель изучена достаточно хорошо (работы Ю.В. Аргудяевой, О.И. Сергеева, Ю.Н. Осипова и др.). Уделялось внимание и особенностям взаимоотношений местного и пришлого славянского населения. В основном освещены нюансы хозяйственно-экономического взаимодействия: обучение охоте и рыбному промыслу, умению использовать дальневосточные дикоросы и другие таежные ресурсы и т. д. Однако, надо полагать, не только экономические интересы сопровождали их общение. По всей видимости, позитивное, в целом, сотрудничество, основывалось и на общности духовно-нравственных ценностей. Представляется достаточно актуальной научной проблемой анализ с точки зрения духовно-нравственных основ и ценностей взаимодействия местных и пришлых народов в дальневосточном регионе, в частности в Приморье, на этапе его освоения славянскими переселенцами. Кроме того, обращение к историческому опыту может быть полезно при составлении курсов нравственного воспитания детей и юношества, особенно в полиэтничной среде.

Поиск этнографических источников (интервью с носителями традиции) для сбора и анализа материалов по этому вопросу представляется весьма затруднительным ввиду большой временной оторванности исследуемого периода от настоящего. Предоставить материалы для исследования могут произведения художественной литературы: они демонстрируют сразу большой объем наблюдений за повседневной жизнью дальневосточников, давая исследователю возможность словно находиться «в поле», хоть и наблюдать за происходящим глазами писателя. Кроме действия, описания характеров героев и их развития, произведения дают возможность видеть большую часть будничной жизни, которая может оказаться недоступной исследователю при полевом исследовании. Конечно, выбирая произведения для изучения, необходимо принимать во внимание особенности личности писателя, вехи его биографии, особенности писательского стиля, например, особенности описания обыденной жизни, исторической точности изображаемых событий. Основным методом исследования может стать метод поиска ответов на интересующие исследователя вопросы в литературных произведениях, выявление сведений о межэтнических отношениях и духовно-нравственных ценностях и сопоставление их с уже имеющимися материалами.

Динамику духовно-нравственных ценностей представляется целесообразным проанализировать, основываясь на концепции М. Шелера об *Ordo Amoris* — некоей нравственной формулы человека, в согласии с которой выстраиваются отношения между ценностями во внутреннем мире конкретного морального субъекта: «...все то в человеке или группе, что мы познаем как морально важное, непременно должно быть — сколько бы ни понадобилось опосредований — сведено к особому рода строению его актов и потенций любви и ненависти: к господствующему над ними, выражающемуся во всех движениях *ordo amoris*» [2, с. 342] и в соответствии с которой, в конечном итоге, выстраивается жизнь человека. По мнению М. Шелера, моральным субъектом может

выступать не только личность, но и коллектив [2, с. 346-347]. При этом ценностные различия между ними, как правило, состоят не столько в том, что у одних есть моральные ценности, которых нет у других, сколько именно в этом *Ordo Amoris*, то есть в порядке отношений ценностей. *Ordo Amoris* — это продукт жизни человека и его нравственных выборов и поступков, это нравственная формула «в соответствии с которой морально существует и живет этот субъект» [2, с. 342]. Далеко не всегда человек осознает свой *Ordo Amoris*: «весьма вероятно, что некто иной, например, более адекватно познает мое индивидуальное предназначение, чем я сам» [2, с. 346–347]. Часто подлинные отношения (иерархия) ценностей обнаруживаются человеком в каких-то экстремальных ситуациях, когда нужно совершить нравственный выбор. Динамика нравственных ценностей обуславливается двумя факторами: 1. Изменение их отношений внутри морального субъекта (изменение *Ordo Amoris*). 2. Изменение содержания самих ценностей. На формирование *Ordo Amoris* и содержание нравственных ценностей оказывают влияние социальная среда и традиции, религия, нравственный выбор самого человека [2].

Заслуживают внимания не только литературоведов, но и этнографов и антропологов, произведения И.У. Басаргина — писателя со старообрядческими корнями, чье творчество стало возвращаться к читателю после длительного забвения. Отличительные черты его произведений — разнообразные и глубокие характеры героев, красочное и живое описание тайги, чуткое внимание к деталям быта, документальная точность их описания и, конечно, историчность. Все созданные И.У. Басаргиным произведения впечатляют своей реалистичностью и точным описанием исторической эпохи, которой посвящены. Наиболее известными и весомыми в творчестве писателя стали его романы «В горах тигровых», «Дикие пчелы», «Распутье», которые охватывают период со второй половины XIX в. до окончания Гражданской войны. Одна из центральных тем этих романов — продвижение русских переселенцев на восток, освоение дальневосточных земель, закрепление на них — пермяков в романе «В горах тигровых» и старообрядцев в романе «Дикие пчелы» — и их общая жизнь в тяжелейший период Первой Мировой и Гражданской войн. Кроме трудностей переселения и освоения, политической и экономической ситуации И.У. Басаргин дает представление о взаимоотношениях переселенцев и встречающихся им народов. Наиболее развернуто эти отношения представлены в романе «Дикие пчелы», а самый первый такой контакт состоялся у героев романа «В горах тигровых» Андрея Силова и Вари в Южной Сибири с казаками, спасшими их во время сильнейшей метели. Словами Аbugалия задан ключевой акцент для восприятия дальнейших событий: «Русский, казах, киргиз, узбек — все дети одной земли» [3, с. 106] и далее: «Андрей и Варя земно поклонились казакам. И в этом было все: и любовь, и благодарность, и вера, что все люди — человеки. Мир не без добрых людей» [3, с. 107].

Во время пути из Перми в Приморье переселенцам встречались буряты, на хабаровской земле — маньчжуры и стойбища гольдов. Опираясь на материал И.У. Басаргина, можно сказать, что в Приморье в конце XIX – начале XX в. проживало аборигенное население («инородцы»), с которыми старообрядцы старались поддерживать мирные отношения; пришлое китайское — «манзы» — сборщики женьшеня, охотники и хунхузы — разбойники, а также славяне, в первую очередь — старoverы. Старообрядцы много контактировали с местными народами:

Раскольники, наученные веками жить мирно и дружно с аборигенами и разным пришлым людом, здесь тоже дружили со всеми, кто им хоть немного полезен. Купля и продажа шли честно. Манзы-коробейники не обманывали русских, как это делали они с гольдами, орочами, удэгей-

цами... Не обманывали и русские манз. За обман — отлита горячая пуля, за воровство — другая. Амбары не закрывались на пудовые замки, двери домов подпирались палками, чтобы не забрела в дом собака [4, с. 14–15].

Староверы были доброжелательны и к китайцам-«манзам»: «Для человека же все двери были открыты, будь то хоть манза или русский бродяга-ходок» [4, с. 15]. Эти слова продолжают идею, обозначенную в начале первого романа — «все люди — человеки». Ценность дружеских отношений и человеческой жизни (для уставших путников оставляли открытые двери) объединяла и переселенцев, и «инородцев».

Совсем другую категорию дальневосточников представляли собой хунхузы, разбойничавшие в тайге: «Здесь каждый манза — хунхуз. Мы их боимся», — говорит жена таза Ланатая [4, с. 62]. В отличие от оседлых манз, которые старались жить дружно с удэгейцами, ороचनाми, гольдами, русскими [4, с. 44] и которых было очень мало, приходящим, или временным манзам, «ничего не было жаль. Они строили многоверстные лудевы, искали корни женьшеня, если была возможность, то тут же превращались в хунхузов и грабили своих же» [4, с. 44]. Глава старообрядцев Степан Бережнов «пытался урезонить их уговорами, но те не слушали этого сурового большака», после чего «собрал охотников... и силой оружия... изгнали из своей долины» [4, с. 32]. Староверам приходилось «быть настороже», так как хунхузы затаили зло:

...говорил хунхуз... пойдут за перевал, чтобы убить бородатых людей. Бородатые люди выгнали манз из своей долины. А эта долина была владением Чэ Хуэна... Русским и вам объявлена кровная месть [4, с. 62].

От них страдали путники, купцы, сборщики женьшеня, охотники и местное население:

На тропе показался отряд в двадцать человек... Хунхузы спокойно вошли в поселение. Их было в два раза меньше, чем мужчин-удэгейцев. Но они запросто отобрали у них оружие, а затем потребовали олени жиры, корни женьшеня, деньги. Крики, плач, гвалт... Хунхузы долго били и пытали удэгейцев, заставили их нести женьшень, жиры, деньги, набили награбленным питаузы и тронулись в сторону русских деревень [4, с. 88–89].

В борьбе с хунхузами объединились русские и удэгейцы. Особенно заметна была роль старообрядческого наставника Степана Бережнова:

Гольды и удэгейцы промышляли соболя, колонка, белку. Но были в вечном долгу у пришлых контрабандистов. Соболя, что был добыт в прошлом году, был продан еще в позапрошлом. Так из года в год. Степан Бережнов рассудил купца-хищника и этих инородцев так, что они перестали быть должниками, чем снискал к себе любовь и доверие [4, с. 32].

Он организовал и противостояние банде хунхузов [4, с. 89–90].

Политика Бережнова положительно сказывалась на отношениях с инородцами, что было выгодно как самому Бережнову, так и всей старообрядческой общине: «Хвалили наставника, что правильно вершит дела, сдружил с аборигенами — все друзья и помощники. Было и такое, что Степан Алексеевич не раз выступал в роли судьи, если кто-то обижал их. Судил праведно, по чести» [4, с. 31–32]. Была равно ценна жизнь переселенца и инородца: «Совет решил, если кто убьет манзу или гольда, тому

смерть» [4, с. 35]. «Едва живота не лишился» за убийство инородца один из русских первопоселенцев Фома Мякинин, но после исполнения приговора общины остался жив благодаря случаю [3, с. 147–152]. Убежденность в ценности человеческой жизни, по-видимому, также стала основой для хозяйственных взаимоотношений: понимание трудности выживания в суровых таежных условиях, особенно новичкам, побуждало делиться имеющимся опытом. Во многих аспектах овладения навыками выживания в новом природном и культурном ландшафте первенство принадлежит старообрядцам, которые раньше других переселенцев переняли у живших на Дальнем Востоке народов способы использования таежного сырья и приспособления к окружающей природной среде [1, с. 16–25]. Научившись у аборигенного населения способам охоты, обработки и использования животных и растительных продуктов, старообрядцы старались помочь инородцам: «Особенно дружны были раскольники с Дункай, Бельды. Те жили в берестяных чумах, плавали на таких же берестяных лодках, питались только рыбой и мясом. Русские научили их сеять хлеб, садить овощи» [4, с. 32].

Проявилось внимание к соседям со стороны русских и во время эпидемии оспы:

Пришел апрель. А с ним пришла в тайгу оспа. Харченко спешно собрал сход, чтобы убедить мужиков, которые бы немедля ехали по стойбищам и спасали людей. Убеждать не пришлось. Охотники дружно выехали в стойбища, чтобы забрать к себе удэгейцев. Не помешало и распутье. Больных грели на печках, поили малиновым вареньем, липовым цветом. Многие из русских тоже заболели оспой. Но что делать? Спасая других, может погибнуть и сам спаситель... И конечно, там, где не было русских, в оспу погибло больше половины удэгейцев, гольдов. Поредели стойбища [3, с. 319–320].

Помнили об этом подвиге самоотверженности и удэгейцы:

Тинфур задумался. Ему вспомнилась одна из суровых зим, когда в их стойбище вспыхнула оспа. Русские спасли его семью. Они спасли многих. Возили на санях больных, укладывали на широкие печи, отпаивали малиновым чаем. Сами заразились, даже многие умерли, но никто не попрекнул удэгейцев, что кто-то умер из-за них [4, с. 42].

В этом поступке русских отразилась и ценность человеческой жизни, и ценность добрососедских отношений, и ценность бескорыстной помощи. Так поступали, потому что это считалось правильным, нравственным, единственно верным.

Отношения славянских переселенцев и местного населения складывались, в целом, доброжелательно и полезно для обеих сторон. Думается, этому во многом способствовала общность *Ordo Amoris* данных этносоциальных групп. В процессе взаимодействия обнаруживалось сходство в таких важных духовно-нравственных ценностях, как ценность человеческой жизни, добрососедских отношений, доверия, честности, открытости, бескорыстия, честного труда, неприятия жестокости и лихоимства. По-видимому, иерархия ценностей русских и инородцев во многом совпадала. При этом обнаруживающиеся различия касаются в основном этнокультурных традиций и не являются решающими для *Ordo Amoris* в целом. Есть лишь эпизод, указывающий на разницу в восприятии некоторых традиционных обычаев, например, в питании:

- Много рыба лови! Хорошо лови, куда столько девай?
— Вона, бедолагам отдаем. Себе еще наловим, — ответил Устин.
— Хорошо делай, наша тоже буду им давай, рыба есть — помирай не буду.

— Это тебе такое хорошо говорить, Арсе, русские на одной рыбе не проживут. Им к рыбе еще и хлеб нужен [4, с. 103].

Однако мирное и доброжелательное соседство рушится, когда один из старообрядцев на первое место ставит личное обогащение: «А Тарабанов хотел жить, жить широко, жить привольно» [4, с. 35]. Неумная жадность, стремление обогатиться даже путем убийства приводит старообрядца Тарабанова к страшному преступлению, убийству инородцев: погребло все удэгейское поселение, в живых остался только удэгеец ороцкого происхождения Арсе Заргулу. Очень быстро стал известен убийца — Карп Тарабанов и его сын Зосима. Для старообрядческой общины это стало испытанием на верность своим духовно-нравственным ориентирам:

Мы столько земель прошли, и никто не помнит, чтобы кто-то из наших поднял руку на инородца. Везде с ними жили душа в душу, ежли они не шли воевать на нас... Мы даже с врагами искали мира, ежли они его принимали» [4, с. 109].

Но для главы старообрядцев общие ценности оказываются лишь способом достижения пользы как для общины, так и для себя самого:

Тихо и мирно жили на той стороне реки Арсе Заргулу, Календзюга Бельды, Дункай. Над ними тоже, как клушка над цыплятами, стоял Бережнов. Помогал в пахоте, в посеве хлебов, уборке. Те тоже пригодятся при захвате власти. А потом не лишнее, когда кто-то разносит добрую славу о тебе, а государственные люди шлют похвалы за подмогу инородцам» [4, с. 97].

Выяснилось, что и в отношениях с китайцами староверы стремились к собственной выгоде:

А потом у него первого стали работать манзы. Даровая сила: едят мало, и платить можно меньше, чем русским. И то рады. Но Бережнов в еде не скупился... если видел... что кто-то кого-то обижает, собирал сход и примерно наказывал лиходея, заставляя выплачивать недостающее. Манзам пятнадцать копеек в день, русским — тридцать [4, с. 97].

И если в повседневной жизни совпадение *Ordo Amoris* способствовало миру и процветанию всех соседей, то его нарушение, изменение иерархии нравственных ценностей и даже их смена, выдвигание на первое место сначала личного обогащения, а затем выгоды общины, приводит к трагедии и нарушению устоявшихся отношений. Чтобы не испортить репутацию староверческого поселения, было решено скрыть преступление Тарабанова и убить единственного свидетеля Арсе Заргулу: «Так и так бы пришли. Спокойствие братии — это все. Купили Арсе у пристава. Зря деньги не бросят» [4, с. 113]. Позже схожим образом Степан Бережнов отреагировал на убийство русскими манз: «Манза, как ни говорите — инородец. Потому молчок, ежли самому хочется жить» [5, с. 77].

В романе отчетливо видно, что характер межэтнических отношений во многом зависит от настроения главы общины: ценность мирного соседства, ценность человеческой жизни, честности перестают быть руководящими в жизни старообрядцев, когда их наставник все более стремится к личной власти, как духовной, так и светской. Поправание духовно-нравственных ориентиров приводит к преступлениям как лично старосты С.А. Бережнова, так и всей общины, решившей избавиться от удэгейца Арсе Зар-

гулу — свидетеля злодеяния Тарабанова.

Твердыми приверженцами устоявшихся нравственных норм среди старообрядцев остались Устин Бережнов и его побратимы Петр Лагутин и Роман Журавлев (Журавушка). Устин даже восстает против отца и с побратимами спасает Арсе [4, с. 113–114]. Много лет спустя в разговоре с Арсе Журавушка размышляет:

...не боги разделили людей на разные веры, а люди разделили богов, всяк по своему разуму и понятию. Мы нашего Христа и то разбили на разные толки. А обличье — это еще не суть иная. Ты можешь стать христианином, но лицо твое от этого не изменится. Обличье разное, но у всех заботы и дела одни: жить в мире, жить в добре. А мы воюем. Друг друга убиваем. Эко дела [5, с. 46].

Верны представлениям о справедливости Арсе Заргулу и Алексей Тинфур. При первой встрече с русскими в ответ на злобный выпад Фомы Мякинина Тинфур сказал: «Я не думаю, что у такого народа, как русские, столь много безумных собак и злых змей. Они не должны порушить дружбу, не должна порваться она, как гнилой ремень» [3, с. 253]. Вся жизнь главного удэгейского героя книги Арсе, показанная в романах, демонстрирует его верность моральным принципам, усвоенным от его народа. Например, он не стал поступать нечестно и несправедливо вместе с большевиками, хоть и был их сторонником, помогал им. Наоборот, увидев их подлость и бессмысленную жестокость, ушел в тайгу и стал жить там [5, с. 275].

Надо сказать, что поступки Степана Бережнова и Карпа Тарабанова вызывают тихое, молчаливое осуждение у общины. Бережнов и Тарабанов становятся подобными хунхузам, причиняющим людям зло. Видимо, поэтому Тарабанова, хоть и после повторного преступления, решением деревенского совета казнили [4, с. 368–369]. Бережнова не выбрали на второй срок наставником и волостным, не бросились в погоню за Груней и Ульяшей:

Спит деревня, будто не слышит голоса двоедушников. Нет Бережнова. Это немой протест его делам, его думам. Рыкни он, то все бросились бы в погоню. Но сейчас тихо. Братья и те «спят»... [4, с. 384].

Однако явно свое несогласие с политикой Степана Бережнова высказывали единицы, в основном же общинники предпочитали не ссориться с главой, более того, легко поддались на манипуляции Степана Бережнова и снова сделали его старостой [5, с. 74].

Такая зависимость поведения всей общины от решений главы соответствует тезису М. Шелера о влиянии этносоциальной среды, традиции на формирование *Ordo Amoris* и содержание нравственных ценностей. Степан Бережнов в старообрядческой среде являет собой воплощение закона, обычая, создавая комплекс нравственных ценностей и их порядок, иерархию у сообщинников и требуя его исполнения. Благодаря влиянию традиции, предписывающей слушаться старосту, Бережнову удавалось убедить староверов в правоте своих действий.

Но ценностные установки и их иерархия — это еще и нравственный выбор самого человека. Именно нравственный выбор Степана Бережнова привел общину к отступлению от *Ordo Amoris*. Другой пример — поведение Устина Бережнова и его побратимов. Они предпочли пойти наперекор старосте и отцу Устина и поступить так, как велит им их представление о справедливости — спасти удэгейца Арсе Заргулу, хотя им проще и безопаснее было бы согласиться с мнением старосты и общины. Их духовно-нрав-

ственные ценности, усвоенные еще в детстве, оказались незабываемыми, непоколебимыми перед временными обстоятельствами. В то же время их сверстники Селивон Красильников и Яшка Селедкин легко расстались с привитыми в детстве морально-этическими нормами и стали помощниками С. Бережнова в подлости и преступлениях, примеров чему немало на страницах романов.

Итак, в трилогии И.У. Басаргина кроме основной сюжетной линии, перипетий судеб главных героев, показана отрицательная эволюция межэтнического взаимодействия первопоселенцев и аборигенного населения, а также роль нравственных основ в жизни человеческого сообщества. Особенно ярко эта тема развита в романе «Дикие пчелы»: контакты пришлых славянских народов, а именно русских старообрядцев, с аборигенами и китайцами проходили, в целом, мирно, благодаря твердой ориентации переселенцев на общечеловеческие ценности: честность, трудолюбие, открытость, уважение к соседям, взаимную поддержку и выручку. Подмена духовно-нравственных ориентиров старообрядцев выгодой от сокрытия преступления исходит от поведения их главы Степана Бережнова. Из-за преступного поведения Бережнова и Тарабанова, поправших нравственные устои, рушатся основанные на доверии хорошие соседские отношения с инородцами. Духовно-нравственные ценности, совпадение *Ordo Amoris*, имеют решающее значение как в жизни старообрядцев, так и в межкультурных контактах. Общность *Ordo Amoris* становится залогом добрососедства и взаимопомощи, ее же нарушение — выдвижение на первое место личного обогащения и власти — приводит к преступлениям, попранию моральных принципов, слову мирного сосуществования. На формирование *Ordo Amoris* оказывают влияние социальная среда, традиции (о чем свидетельствует поведение членов старообрядческой общины), но не менее важен и личный выбор человека — поступки Устина Бережнова с побратимами, старосты Степана Бережнова, Зосима Тарабанова, в конечном итоге, сказавшиеся на межэтнических отношениях.

Список литературы

Исследования

- 1 *Аргудяева Ю.В.* Взаимодействие и взаимовлияние аборигенных, восточнославянских и восточноазиатских народов в условиях Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Междунар. науч. конф. 22–23 октября 2002 г. Мат. докл. Хабаровск: [б. и.], 2002. С. 16–25.
- 2 *Шелер М.* «*Ordo Amoris*» // Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. / под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 337–377.

Источники

- 3 *Басаргин И.У.* В горах тигровых. М.: Сов. писатель, 1975. 336 с.
- 4 *Басаргин И.У.* Дикие пчелы. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2016. 608 с.
- 5 *Басаргин И.У.* Распутье: роман. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2021. 332 с.

***

© 2024. Galina S. Popovkina
Vladivostok, Russia

**SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE POPULATION
OF THE RUSSIAN
FAR EAST IN THE EARLY 20TH CENTURY
IN THE CONTEXT OF INTER-ETHNIC RELATIONS
(IN THE WORKS OF I.U. BASARGIN)**

Abstract: The paper analyzes the interaction of local and alien peoples in Primorye at the stage of its development by Slavic settlers from the point of view of spiritual and moral foundations and values. Owing to the great temporal separation of the period under study from the present and the impossibility of the searching for informants, the novels by I.U. Basargin, which are distinguished by documentary accuracy of description, historicity and covering a large time period — from the first settlers to the end of the Civil War came to be the study's subject matter. Information about interethnic relations and spiritual and moral values was revealed in literary works and compared with the already available scientific materials. The dynamics of spiritual and moral values is analyzed on the basis of M. Scheler's concept of *Ordo Amoris*, a certain moral formula of a person, in accordance with which relations between values are built in the inner world of a particular moral subject. The study shows that the contacts of the newcomer Slavic peoples, namely the Russian Old Believers, with the natives and the Chinese, took place, on the whole, peacefully, thanks to the firm adherence of the settlers to universal human values. The *Ordo Amoris* community had become a guarantee of good neighborliness and mutual assistance, while its violation — the promotion of personal enrichment and power — led to crimes, violation of moral principles, and the destruction of peaceful coexistence.

Keywords: Interethnic Relations, Moral Values, Primorye, Far East, I.U. Basargin.

Information about the author: Galina S. Popovkina — PhD in History, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East Far Eastern branch Russian Academy of Science, Pushkinskaya St., 89, 690001 Vladivostok, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6521-8658>

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Received: June 05, 2023

Approved after reviewing: July 01, 2023

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Popovkina, G.S. “Spiritual and Moral Values of the Population of the Russian Far East in the Early 20th Century in the Context of Inter-ethnic Relations (in the Works of I.U. Basargin).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 116–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-116-125>

References

- 1 Argudyayeva, Yu.V. “Vzaimodeystviye i vzaimovliyaniye aborigennykh, vostochnoslavjanskikh i vostochnoaziatskikh narodov v usloviyakh Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)” [“Interaction and Mutual Influence

- of Aboriginal, East Slavic and East Asian Peoples in the Conditions of the Far East (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)”. *Aziatsko-Tikhookeanskii region v global'noi politike, ekonomike i kul'ture XXI veka. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia 22–23 oktiabria 2002 g. Materialy dokladov* [*The Asia-Pacific region in global politics, economics and culture of the 21st century. Intl. Scientific Conf. October 22–23, 2002 Report Materials*]. Khabarovsk, [s. n.], 2002, pp. 16–25 (In Russ.)
- 2 Sheler, M. “‘Ordo Amoris’.” Sheler, M. *Izbrannyye proizvedeniya* [*Selected Works*], ed. by A.V. Denezhkin. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 337–377 (In Russ.)